

Похоже, что с верхней одеждой она сильно погорячилась, как-то совершенно упустив из внимания этот момент, — выскочила из дома в привычном легком коротком пуховичке, ботиночки демисезонные, про шапку с шарфом так и вовсе не вспомнила, хорошо хоть перчатки надела. Март он, конечно, март, и пусть даже к концу подходит, но ведь реально подмораживает ощутимо. Не так чтобы прямо совсем околеть от холода, не критично, к тому же в метро тепло, а по улицам она километры пешком не наматывает — пробежится от станции метро к нужному месту или подьедет, в крайнем случае, на такси или на общественном каком транспорте, но все равно холодно. Что значит человек, привыкший передвигаться исключительно на личном автомобиле, не приспособленный к жизни большинства «безлошадных» граждан.

«Как там у известной писательницы было? — иронизируя над собой, посмеивалась Дина, поднимая воротник и придерживая его у горла рукой. — Что-то вроде «сходил в народ и, на удивление, не помер». Кажется, так».

Ну насчет помереть — это явно перебор, а вот насчет «сходил в народ» — в самую точку: стоит выбраться из-за руля и влиться в людской поток, как теряешься

с непривычки, забывая, например, о необходимости одеваться по погоде (и желательно не той, что царит внутри твоей машины, а той, что на улице). Но машинка любимая, джипик боевой, сегодня на техобслуживании и будет там еще несколько дней, так что мерзнуть ей теперь вместе с народом.

Но это от устойчивой привычки «я в домике за рулем», а не от снобизма. Не от него, это уж точно. На минуточку, она и есть тот самый народ, и в чем-то гораздо в большей степени, чем многие иные.

Так что не помрем, не замерзнем, не околеем и прорвемся.

Вон ей совсем чуть-чуть осталось — через дорогу по переходу перейти и быстренько-быстренько перебежкой немного по улице, потом свернуть в первый переулок и нырнуть в знакомое тепло уютного кафе.

И все. Красота-а-а... Она сразу попросит стакан горячей воды с лимончиком и капучино, мелкими глоточками выпьет кипяточка, расслабитесь-согреется, а там и кофе принесут, и станет ей хо-ро-шо.

Светофор на этом переходе был длинный, людей по обеим сторонам скопилось прилично, а машины все мчались и мчались, ускоряясь, торопясь успеть на зеленый свет. Дина стояла впереди собравшейся толпы у самого края первой белой полосы перехода, жалась-кукожилась под порывами холодного ветра в своей куртеньке и мысленно посмеивалась над собой.

Внезапно, чуть зацепив рукав ее куртки, прямо на переход выдвинулась детская коляска с младенцем, которую уверенно катила вперед молодая мамашка, одной рукой толкая коляску, а большим пальцем дру-

гой руки сноровисто набивая какой-то текст в своем смартфоне.

Наушники в ушах, лицо, отрешенное от реальности, вся с головой в Сети, не обращая внимание ни на что вокруг, она уверена шла, не сбавляя темпа, двигая впереди себя коляску с малышом.

Толпа за спиной у Дины ахнула единым испуганным возгласом, кто-то вскрикнул, а у нее мгновенно врубилась на всю мощь рефлексы, и она увидела происходящее в полном объеме и с четкими деталями — красный свет светофора для пешеходов, поток машин на противоположной стороне, проскочившая по их полосе перед самой детской коляской «Ауди» и мчавшийся за ней прямо на зависшую в Сети мамашу с ребенком черный огромный внедорожник.

В доли секунды перестроившееся на некий особый режим работы сознание Дины выхватило момент, как изменилось выражение лица водителя джипа, как его руки начали выворачивать руль влево, и смогло проследить траекторию движения тяжелой машины, понимая, что тот не успеет, не успеет...

Руки Дины, все ее тело среагировали раньше, чем оформилась мысль, на одном голом рефлексе, отточенном годами. Она ухватила капюшон куртки нерадивой мамы и со всей, на какую была способна, силой рванула ту назад, продлевая движение дальше, дальше, мимо себя, за спину. Не успевшая ничего сообразить, девица придушенно хекнула горлом, неожиданно передавленным воротником, и, отпустив коляску, подчиняясь рывку, отлетела назад, аж за Дину, чего та и добивалась.

А коляска осталась стоять на переходе...

И уже ничего, ничего невозможно было... Дина рванула вперед, видя-понимая со всей четкостью, что не успевает, не успевает... Каким-то щелчком сознание внезапно переключилось в иной режим, время растянулось, как в замедленной съемке, при этом мозг фиксировал даже самые мелкие детали, добавив картинке особой яркости и четкости.

И Дина отмечала, как все выкручивает и выкручивает руль водитель несущейся на нее машины, успела поразиться, что в выражении его лица нет ни паники, ни испуга, лишь злая предельная сосредоточенность, увидела, как в беззвучном крике раскрывается его рот, как тормозят и поворачивают машины встречного потока и как медленно, слишком медленно, тянется ее рука к детской коляске, как, схватив за ручку, она выталкивает ее назад, за себя, со всей силы, и коляска медленно начинает откатываться, чуть не завалившись набок, а Дину силой инерции несет вперед...

На самой последней секунде все, что она успела сделать уже абсолютно неосознанно, интуитивно, — это дернуться всем телом назад и в сторону от неотвратимо летевшей на нее черной громадины.

И снова время вернулось в привычное течение, и Дина почувствовала сильнейший удар в левое бедро, от которого ее развернуло, и она отлетела в сторону, упав на правую руку, с силой приложившись головой об асфальт и что-то острое.

По всей видимости, Дина потеряла сознание на какое-то непродолжительное время, потому что в себя она пришла от обрушившейся на нее шквалом какофонии звуков — громкие, нервные и истеричные

людские голоса, ругань, крики, кто-то что-то требовал, кто-то скандалил, кто-то плакал, и надрывно орал младенец, гудели клаксонами автомобили, какая-то женщина наклонилась над Диной и спрашивала о чем-то. Дина никак не могла разобрать, что та говорит, только отмечала в какой-то прострации, как меняется выражение лица незнакомки от озабоченного до жалостливо-испуганного.

Так. Так. Пыталась она что-то понять. Надо сообразить, что вообще происходит.

И тут лицо женщины, нависавшее над ней, исчезло, а вместо него совсем близко возникло лицо другого человека. Мужчина посмотрел на Дину долгим изучающим взглядом и произнес нарочито четким и громким голосом:

— Вы меня слышите?

Дина почувствовала внутри, где-то в районе солнечного сплетения, такое приятное, непонятное тепло, которое затем растеклось по всему телу...

Она смотрела в эти темно-янтарные глаза совершенно незнакомого ей мужика и тонула в них, и ей вдруг так сильно, так сильно — больше всего на свете захотелось, чтобы он прижал ее к себе, обнял, и тогда — она точно знала — все-все стало бы замечательно и правильно.

Каким-то необъяснимым образом, на какие-то мгновения, она вдруг уловила всеми своими обострившимися чувствами в этом незнакомом мужчине нечто абсолютно родное.

Дина медленно закрыла глаза, втянула с силой воздух и, ненадолго задержав дыхание, медленно выдохнула, успокаивая себя.

Наверное, головой она стукнулась всерьез, если с ней происходят такие странности и чудится всякое.

Может, это все? Добегалась?

— Ей совсем плохо, разве вы не видите! — прокричала какая-то женщина сбоку.

— Я уже вызвала «Скорую»! — произнес другой женский голос.

— Да какая «Скорая»! — возмутился мужчина, по голосу вредноватый дедок. — Вон пробка образовалась! Да и пока они приедут, девушка сто раз помереть успеет!

— Помолчите, — остановил говорливого дедка мужчина. Он говорил очень спокойным, ровным тоном человека, привыкшего отдавать приказы и знавшего, что их выполнят, и пообещал: — Если «Скорая» задержится, я ее отвезу.

И от этого его голоса и тона у Дины вдруг мурашки побежали по телу.

Да, подумала она какой-то вялой, тягучей мыслью, наверное, ей совсем хреново, очень уж странные реакции тела.

— Да? — недоверчиво спросила бабулька из разряда въедливых старушек. — А куда вы ее отвезете, мы ж не знаем? Вы ж девушку сбили, а это статья уголовная. Может, вы ее в лесок какой отвезете, а не в больницу, и закопаете там по-тихому? Вон у вас машина какая, богатый человек и наверняка со связями. Что вам простые люди. Подумаешь, убили девчонку.

— Я пока жива, — вмешалась в разговор Дина и открыла глаза.

— Да то пока, милая, вон у тебя кровь из головы хлещет, — возразил дедок.

— Лежите, — легонько надавив на плечо, мужчина, сидевший на корточках возле нее, остановил ее попытку приподняться. — У вас может быть поврежден позвоночник, лучше не рисковать.

— Что, и правда хлещет? — спросила она у него.

— Не ручьи, — улыбнулся незнакомец.

И от этой его улыбки с легкой иронией на Дину вдруг словно снизошло какое-то абсолютное спокойствие и уверенность, что теперь уж точно и обязательно все будет хорошо.

Интересно, почему?

— Это вы специально так говорите, — снова выступила бабка, — чтобы нас убедить, что девушка не сильно пострадала.

— Что с ребенком? — как-то вмиг вспомнив про него, спросила Дина.

— Все в порядке, коляску не задело, — успокоил ее мужчина.

— Почему тогда он так кричит?

— Проснулся, испугался, наверное, — предположил мужчина. — Да и мамаша его из коляски достала, трясет, прижимает к себе и рыдает.

— Да такую мамашу надо прав на ребенка лишать! — переключилась на новый объект активная бабулька. — Это ж надо ума не иметь, чтобы такое творить: дебильники в уши, в телефон пальцем тыкает и пошла ребенка под машину катить! Разве ж это мамаша! Это ж отродье какое-то, а не мамаша!

— Помогите мне встать, — попросила Дина.

— Полежите еще чуть-чуть, — сказал с легким приказным нажимом мужик, — вон уже «Скорая» едет, слышите?

Дина прислушалась. Да, едет, на всю улицу знакомый вой сирены разноситься. А ей и гибэдэдэшная подпеваает где-то с другой стороны.

Ну ладно, полежим в таком случае, подождем. А то и правда, мало ли что там с позвоночником, она пока от шока, видимо, даже боли еще не ощущает, но отлично знает, что чуть спадет адреналин в крови, и она такое почувствует... во всех подробностях и деталях, о-ей-ей.

Так что полежим.

— Вы меня сбили? — спросила она мужчину, почему-то все так и продолжавшего сидеть возле нее.

— Я.

Даже односложное, короткое слово, произнесенное им, звучало у него весомо.

— Как? — спросила она, интересуясь подробностями.

Он понял, о чем именно она спрашивает.

— По касательной, в левое бедро. Вы успели дернуться в последний момент, а я успел-таки повернуть. Повезло. На встрече народ среагировал правильно: кто затормозил, кто ускорился и успел проскочить вперед, оставили мне место для маневра. — И вдруг, совершенно неожиданно, он погладил ее по голове, жалея и подбадривая, с какой-то особенной нежностью, и похвалил: — Вы молодец. Вы просто поразительная умница.

И посмотрел прямо в глаза своими странными, казавшимися Дине очень знакомыми темно-янтарными глазами.

На всю улицу надрывался вой сирен приближающейся «Скорой помощи» и машины гибэдэдэшников,

ехавшей с другой стороны ей навстречу. Ребенок заходился в истошном крике, мать его громко рыдала и что-то зло отвечала какой-то женщине, отчитывающей молодую мамашу противным менторским тоном. Въедливая бабка выступала за порядок и справедливость, дедок вторил той баском, добавляя напряженности в атмосферу. Машины гудели, пытаясь объехать образовавшуюся пробку, а они смотрели в глаза друг другу, зависнув на какое-то мгновение во времени...

И вновь время ускорилося, события закружились одно за другим. Отодвинув мужчину куда-то в сторону из поля зрения Дины, над ней склонился доктор «Скорой помощи».

Четко, кратко и по существу отвечая на вопросы врача, Дина попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, куда делся сбивший ее водитель, но именно в этот момент ее организм решил, что пора показать, как ему плохо, и выстрелил болью во всех пострадавших местах одновременно, да с такой злой интенсивностью, что у Дины перехватило дыхание и невольно брызнули слезы из глаз.

— Ничего, ничего, — поспешил успокоить врач, заметив реакцию девушки на легкое движение и эти ее предательские слезы, — сейчас обезболим и в больницу повезем.

— Что с ней, доктор? — спросил сбивший ее водитель, внезапно появившись рядом с ней.

— Сотрясение, предположительно переломы левого бедра и правой руки, ушибы тела и головы, скальпельная рана, — перечислил доктор. — Точнее после обследования в больнице. Нужна срочная госпитализация.

— Я помогу, — безапелляционным тоном сообщил мужчина.

Очень споро, ловко и быстро Дину перенесли на каталку, спасибо, что достаточно аккуратно — к тому моменту у нее уже боль была настолько сильной, что она боялась снова потерять сознание. Но загрузку каталки в машину «Скорой помощи» остановил гибэдэдэшник, который спросил данные пострадавшей у врача, а потом обратился непосредственно к Дине:

— Заявление писать будете? — И объяснил подробнее, видимо, специально для стукнутых головушкой: — Претензии к наехавшему на вас водителю имеются?

— Какие претензии? — округлила глаза Дина. — Он всех нас спас, ему благодарности надо выносить, а не претензии предъявлять.

— Положим, всех нас спасли именно вы, а не я, — спокойным, ровным тоном возразил ей водитель внедорожника.

И Дина удивилась: оказывается, он никуда не делся, так и стоит рядом с каталкой.

— Ну кто кого спас, это мы разберемся, — проворчал гибэдэдэшник и продолжил опрос пострадавшей: — А к гражданке Володиной претензии предъявлять будете?

— Это мамаша с коляской? — уточнила Дина.

— Да, виновница дорожно-транспортного происшествия, — внес полную ясность полицейский.

— Пока не знаю, — честно призналась Дина.

Что-то ей совсем хреновенько стало, голова поплыла-а-а, в затылке выстрелило острой болью, сильно замутило, а левый бок заболел как-то совершенно нестерпимо.

— Так, все, — прервал разговоры доктор.

И каталку с Диной вкатили в машину.

— Куда вы ее? — спросил водитель внедорожника.

— В Склиф, — ответил доктор.

А мужик вдруг совершенно неожиданно для всех шагнул следом за каталкой в машину «Скорой помощи», склонился над Диной, взял ее за руку и пообещал:

— Я приеду. Сейчас разберусь тут с гибэдэдэшниками и приеду к вам.

— Ладно, — ничего не поняла Дина, но почувствовала что-то необъяснимо приятное от этого его обещания.

А он уже выскочил на дорогу к гибэдэдэшнику, сказавшему ему что-то недовольным тоном.

Только машина «Скорой» отъехала от места происшествия и набрала скорость, как запел смартфон Дины мелодией песенки про Умку.

— О господи, — встрепенулась Дина, — я совершенно забыла!

— Немудрено с такой аварией и ушибом головы, — заметила женщина-фельдшер и протянула Дине ее сумочку.

— Мамулук, — посмеиваясь, сказал ей в трубку сын. — Ты где? Мне тебя все-таки ждать или ты зависла в делах?

— Не ждать, Кирюш, — постаралась придать голосу максимальное спокойствие и даже улыбнуться Дина. — Не пугайся, сынок, но меня сбила машина.

Вы бы не испугались, если бы вам такое сказала мать родная? Вот и Кирилл, проигнорировав призыв к спокойствию, сразу же напрягся.

— Нападение? — чуть ли не прокричал он.

— Нет-нет, — поспешно уверила Дина, — не нападение, честно. Абсолютная случайность. Я тебе все объясню.

— Как ты? Что с тобой? Где ты? — закидывал он ее вопросами.

— Я в «Скорой», меня везут в Склиф, — успокаивала его Дина. — Ничего страшного! — И усмехнулась: — Обошлось в основном «кузовными» повреждениями: гематомы, ушибы, порезы.

— Я еду.

— Ладно, дорогой.

Сегодня в приемном отделении Склифа работал очень даже хорошо знакомый, можно сказать, родной дежурный врач. Дина даже застонала от досады, когда увидела его, вышедшего по вызову регистраторши навстречу бригаде «Скорой».

Ну все, сейчас начнется! Оно и началось, не задержалось.

— Дина! — охнул Егор Ильич, перебивая доклад врача «Скорой» о проведенных экстренных мерах, и спросил о том же, о чем и сын двадцать минут назад: — Господи! Тебя таки достали? Это нападение?

— Нет, Егор Ильич, ничего такого. Просто ДТП. Глупая случайность. — И попросила жалостливо-умоляюще: — Папе не говорите. Я потом, попозже, сама.

— Да как же не говорите! — возмутился Березин и недовольно проворчал: — Сама она! — И, уже не слушая ее, забрал протокол у доктора «Скорой», переключив все свое внимание на его доклад.

— Ну что, — где-то через час вынес он свой вердикт, присаживаясь на стул возле койки, на которой лежала Дина в отдельной, элитной палате (куда ее

на время поместили по откровенному благу и самому близкому знакомству), — повезло тебе, Диночка, надо сказать, на удивление. Повреждений и травм внутренних органов нет, позвоночник в полном порядке, даже сотрясения столба не диагностируется, удачно упала.

— Угу, — согласилась Дина и пояснила: — Меня в бок, по касательной зацепило, крутануло так, что я свалилась на руку. Не подбросило, вообще не оторвало от дороги.

— Я ж говорю, повезло, — довольным тоном повторил Березин. — И вот что мы имеем в результате твоих «танцевальных пируэтов»: переломов нет, слава богу. Сильнейший ушиб бедра, синяк знатный будет, красавец, — порадовался он с эстетским удовольствием, в своеобразной манере, присущей хирургам с их несколько специфичным циничным юмором. — Ну и болеть будет соответственно. С рукой похуже дела обстоят: перелома нет, но сильный ушиб локтя, а это такая фигня, сама знаешь, может и воспаление надкостницы вызвать, посмотрим. И ободран, понятное дело, он серьезно. Про снятие скальпа ты в курсе и прочувствовала его, когда тебя зашивали.

Это точно! Прочувствовала еще как! Падая, она попала головой на какой-то острый камешек, слава богу, повезло невероятно, что удар не пришелся на свод черепа, тогда бы уже все. Налетела она на него вскользь, боком и содрала приличный кусок скальпа четыре на пять сантиметров.

Хирургическая сестрица посочувствовала, когда брила волосы вокруг раны, а потом и зашивала это безобразие:

— Так жалко, — сопереживала она, — прическа классная, волосы красивые, и будет теперь плешь сбоку да со шрамом.

— Ничего, отрастет, — успокоила медсестру Дина (почему-то не наоборот, что было бы как-то логичней). — У меня волосы быстро растут.

Но болела и щипала эта зараза ужасно. Главное, лежать теперь приходилось, постоянно выворачивая голову набок, чтобы не задевать рану.

Вот ведь хрентень какая!

— Ну и сотрясение средней тяжести имеется, как же без него, а это не рахат-лукум, сама понимаешь, противная фигня, — добавил Березин. — В общем, ангелы-хранители твои подсуетились, не иначе. — И посоветовал совсем иным тоном — наставительным, напряженно-серьезным: — Ты бы завязывала со спасениями всякими, Дина, везение, оно, знаешь, не безгранично. Да и хватит уже.

— Егор Ильич, — посетовала Дина, морщась от головной боли. — И вы туда же.

— Да не туда же, а все там же! — повысил он голос. — Сколько можно об этом говорить? Ведь каждый раз беседуем, а ты все не прислушиваешься! Ты и так сделала более чем достаточно, Дина, сколько можно рисковать, подставляться и тащить это на себе?

— Ну, Егор Ильи-и-ич, — жалобно-умоляющим тоном протянула Дина.

— Что Егор Ильич! — ворчал тот. — Сто раз уже обсуждали. Не собираюсь и не желаю латать тебя, когда ты таки всерьез нарвешься! А ты нарвешься рано или поздно! И никто тебя не защитит! Не помогут ни твои навыки, знания и осторожность, ни твои друзья

со всей их крутизной! — И выдохнул устало, словно сдуваясь в один момент: — Отцу твоему следовало давно запретить тебе так рисковать, да и вообще этим заниматься. Вот придет, пусть тебя и воспитывает.

— Настучали? — спросила Дина.

— Конечно, а ты как думала, — отозвался Березин и хлопнул себя ладонями по коленям, деловито выдыхая. — Так, ладно, бесполезно с тобой об этом. Будем считать, что со вступительной частью закончили. Сама понимаешь, полежать у нас тебе придется недельку-другую, понаблюдаем динамику и состояние, а там посмотрим. — И переключился на другую тему: — Слушай, там к тебе мужик рвется, требует личной встречи и общения. Это не тот ли, что тебя сбил?

— Наверное, он, не знаю, — отчего-то вдруг растерялась Дина.

— Так что, пустить его или как?

Пока ее обследовали, возили на рентген и МРТ с томографией, зашивали, кололи и латали, Дина успела в подробностях и деталях доложить Березину и медсестрам о произошедшей аварии, так что претензии к наехавшему на нее гражданину предъявлять не имело смысла, а скорее даже и наоборот — поблагодарить не мешало бы.

Чем и объясняется легкое попустительство со стороны медперсонала — по правилам стационара посетители допускаются до больных в строго отведенные часы посещения, без каких-либо поблажек. Все сурово. Да и правда, что им бесконтрольно шляться-то, посетителям этим? Доставать врачей бесконечными вопросами, требованиями и недовольством? А вы часто видели довольных родственников в больницах? Ну вот

и врачи редко видели. Только тогда, когда тех собираются выписывать, и то большо-о-ой вопрос. У нас же что? Врачи — единственные люди в стране, которые ни фига не смыслят в том, как надо лечить и правильно ухаживать за больными — народ всегда знает лучше, а уж при повальной доступности к Интернету так и вовсе все академиками стали в любом вопросе, и уж особенно в медицине. Вот и приходится народу подсказывать докторам, как надлежит лечить. Так что, с точки зрения медперсонала, отведенных часов посещения более чем достаточно для общения с родными, за исключением некоторых случаев.

— Пустить, — не самым уверенным тоном разрешила Дина и спросила: — А Кирилл здесь?

— Приезжал, я ему подробно доложил об аварии и твоём состоянии и отправил домой за полисом и вещами, скоро подъедут с дедом.

— Поня-я-ятно, — обреченно протянула Дина.

— А ты что хотела, голуба моя, — не посочувствовал Березин. — При таком-то папеньке и спрос другой.

— Да уж, — смиренно согласилась Дина.

— Ладно, сейчас пущу мужика, который тебя сбил. — И строго предупредил: — Только ненадолго. Десять минут.

И вот обладатель янтарных глаз, вызывавших столь странные реакции Динино организма, вошел в палату и поздоровался:

— Привет.

Вот даже сейчас — от одного простого слова, произнесенного им, как-то так стало тепло...

— А как вас зовут? — наконец-то спросила Дина, сообразив, что даже имени его не знает.

— Да, — усмехнулся он, вопросительно кивнув на стул возле ее койки, и присел, получив разрешение от махнувшей рукой Дины: — Мы не познакомились, хотя и очень тесно «соприкоснулись», если можно так сказать. — И представился: — Гарандин Владислав Олегович.

— Что-то очень знакомое, — сосредоточенно нахмурилась Дина, пытаясь сквозь головную боль и не совсем ясное сознание вспомнить, где она слышала эту фамилию.

Совершенно определенно где-то слышала, и не раз. Уж очень что-то знакомое. Странно, у нее отличная память на имена и лица, к тому же специально натренированная, — и на тебе, подводит. Хотя немудрено, она сейчас совершенно не в силах соображать — все как-то мутно, тошно, непонятно.

— Забудьте, — посоветовал Гарандин, заметив сосредоточенное и несколько болезненное выражение лица, с которым девушка рассматривала его.

— Ладно, — легко согласилась Дина.

— Ну, а про вас я уже кое-что знаю, — улыбнулся он той самой своей поразительной, чуть ироничной улыбкой, так успокоившей Дину, когда она лежала на асфальте, и от которой почему-то чувствовала, что все теперь будет хорошо. — Вы Дина, — говорил он, улыбаясь, — Дина Нагорная. — И отметил с какой-то особой, проникновенно-теплой интонацией: — Красиво звучит.

И от его голоса и особой модуляции-интонации, с которой он произнес это «красиво звучит», и его замечательной, чуть ироничной улыбки ей вдруг так «захорошело», как говорит бабуля, и даже боль отступила,

и так вдруг стало спокойно, и затеплело в груди... Или это лекарства начали действовать все разом, давая такую вот странную «побочку»?

— Ну как вы? — спросил он с искренним сочувствием, осторожно взял ее ладонь в руки и подержал, согревая немного заолодевшие пальцы.

— Опасных травм нет, — ответила Дина, поразившись этому его неожиданному порыву, а главным образом, тому, как ее избитое тело отозвалось на этот простой жест утешения и участия. И поспешила подпустить иронии, остужая все эти странности: — Так, только изрядно поцарапало харизму, а в основном жить буду.

— А мы по... — начал он фразу, но не успел закончить.

— Мам!.. — Резко распахнув дверь, Кирилл ворвался в палату и тормознул, увидев незнакомца, сидящего рядом с ее койкой.

Пару мгновений он смотрел на Гарандина подчеркнuto подозрительным, изучающим взглядом, чуть задержавшись на его руках, баюкающих ладонь Дины, а потом прошел к кровати, наклонился и поцеловал мать в щеку.

— Кирюш, познакомься, — поспешила представить посетителя Дина, осторожненько извлекая ладошку из рук мужчины: — Владислав Олегович. Это он меня сбил.

— А-а-а, — заметно расслабился парень. Он улыбнулся и протянул руку Гарандину.

Тот принял дружеское рукопожатие.

— Спасибо, что не утробили мою мамульку.

— Вы уверены, что она ваша мама? — без какого-либо намека на комплимент в адрес дамы, прямоли-

нейно, с большим сомнением в голосе спросил Гарандин.

— Уверен-уверен, — легко рассмеялся молодой человек.

— Сколько вам лет? — не торопился верить Владислав Олегович: ну мало ли какие расклады бывают в жизни.

— Двадцать, — улыбнулся мальчишка.

Красноречиво приподняв брови, Гарандин изобразил полное недоверие и перевел вопросительный взгляд на Дину.

— Да ладно, — усмехнулся Кирилл, не дав матери ответить на молчаливый вопрос: — Обычная реакция, никто не верит, что она моя родная мамулька. — И предложил: — Давайте я за вас все скажу: «Не может быть, вы же совсем девчонка, что вы его, в десять лет родили?»

— Ну, где-то так, — согласился Гарандин совершенно серьезным тоном.

— Родила она меня в семнадцать, возраст свой не скрывает, а даже наоборот, с удовольствием посмеивается над такой вот реакцией окружающих, — разъярил Кирилл и тут же переключился на более насущную тему: — Вы уже видели вашу аварию? — И повернулся к Дине. — Ну ты, мамулек, как всегда в своем репертуаре, — кидаешься всех спасать, выручать, не жалея живота своего.

— Так получилось, — покаянно произнесла Дина.

— А что, кто-то выложил запись? — уточнил Гарандин.

— Даже несколько записей в «Ютубе» и в «Инстаграме», — кивнул Кирилл и, повернувшись к Дине, по-

яснил специально для нее: — Кнуровские ребята уже с камер дорожных и городских все срисовали и переслали мне.

— Они тоже в курсе? — поразилась Дина.

— Смеешься? Конечно, все в курсе. Я же сразу сообщил и скинул инфу: место, время. Мало ли кто на тебя наехал, как и зачем. Все сразу на Кузьмина подумали.

— Да ну, — отмахнулась от такого предположения Дина. — Глупости, у него мозгов не хватит спланировать что-то сложное. Тем более совершить нечто такое. Совершенно предсказуем.

Гарандин не перебивал, вопросов не задавал, но слушал с особым вниманием.

— Ну что... — Распахнув дверь, в палату стремительной походкой вошел крепкий, довольно стройный мужчина лет под шестьдесят.

И точно так же, как и Кирилл до него, побуравил подозрительным взглядом посетителя.

— Дед, — поспешил разрядить обстановку парень. — Это Владислав Олегович. Это он сбил маму.

— Ага, — удовлетворенно произнес мужик и протянул Гарандину руку.

Владислав Олегович поднялся со стула, крепко пожал протянутую руку, присматриваясь к этому самому деду, надо полагать, отцу пострадавшей. Интересный мужик, а внук поразительно похож на деда и внешнестью, и фигурой, даже манерой держаться.

— Константин Павлович, — представился мужчина, — отец Дины. — И вдруг улыбнулся, уважительно крутанув головой: — Однако реакция у вас, батенька, исключительная. Как вы этот маневр совершили — по-

ражаюсь. Несколько раз просмотрел все записи аварии и все восхищался: ни одного лишнего движения, никакой суеты и паники, сплошной мат и виртуозное вождение. Как вывернули-то, а? Ни юзом не повело, ни в дрифт неконтролируемый не закрутило. Круто! — И потрянул еще разок руку Гарандина.

— Вообще-то если и восхищаться чем-то, то это реакцией вашей дочери, — отговаривался от похвалы Владислав.

— Ну с ней особый разговор, — тоном, обещающим нахлобучку, ответил Константин Павлович и, потрянув напоследок еще раз руку Гарандина, присел на стул возле койки.

— Ну что? — спросила Дина, пытаясь улыбнуться. Чувствовала она себя все хуже, но крепилась. — Все посмотрел, все проверил?

— Посмотрел и проверил, — подтвердил отец. — Да и что проверять, Егор сделал все, что надо. Недельку тут полежишь...

— Пап... — перебила его дочь.

— Недельку, — с нажимом произнес тот, — потом к себе переведу.

— Да не надо меня к тебе! — возмутилась она. — Вот на фига? Меня и здесь прекрасно полечат.

— У нас так же прекрасно полечат, — отрезал Константин Павлович, — там у нас не дом проходной, никто лишний не зайдет.

— Здесь тоже не проходной, — злилась Дина.

— Ма, — вмешался Кирилл, — дед же прав, что ты сопротивляешься, у них охрана серьезная, и в их отделение посторонним не пройти. — И попенял: — Ну что ты?

— Да потому что они меня там замучают своей заботой и охраной! — слабо, но все же возмущалась Дина.

— Ничего, помучаешься немного, — отмахнулся от ее аргументов отец и попенял: — И все, закончили. А то перед человеком неудобно, — кивнул он в сторону Гарандина.

— Да, Владислав... — спохватилась Дина.

— Давайте просто Влад, — перебил тот.

— Влад, — согласилась она, — извините, мы тут о своем. Увлечлись немного.

— Интересное у вас «свое», — задумчиво почесав пальцем бровь, заметил он и неожиданно посмотрел на нее пару секунд очень внимательным, цепким взглядом, а потом повернулся к Константину Павловичу. — Если я правильно понял, Дине угрожает какой-то человек? И вы всерьез обеспокоены ее безопасностью.

— Да ладно б только он, справились бы как-нибудь, — устало вздохнул Нагорный.

— А что, — спросил каким-то особым тоном Влад, — ей угрожает несколько человек?

— А-а, — безнадежно отмахнулся Константин Павлович, скривившись, — все это... — И не договорил, что именно «это». — Так, — ушел он от разговора и строго посмотрел на дочь, — я тебе все сказал. Тебе надо спать-отдыхать. — И не удержался-таки — склонился над дочерью, посмотрел внимательно в ее глаза: — Голова болит?

— Болит, — ответила она потухшим голосом и сразу же отчиталась: — Вся симптоматика в наличии, можешь не сомневаться, но меня накололи, отпускает понемногу. Сознание, правда, слегка плывет.

— Ну это нормально, — констатировал заботливый отец. Он поцеловал дочь в щеку и погладил по голове. — Ладно, пойду, там Егор просил одного пациента посмотреть.

— Начало-о-ось, — протянула Дина с иронией.

— Я с тобой, дед, — тут же встрепенулся Кирилл.

— Идем, — призывно махнул ему Константин Павлович, — тебе полезно будет. — И повернулся к Гарандину: — Рад был познакомиться. Еще раз благодарю, что сделали все, чтобы спасти Дину.

И вышел из палаты.

— Да, — торопливо потряс руку Владу Кирилл, — спасибо за мамульку. Вы крутой чел, так дрифтанули не по-детски. Класс!

И выскочил вслед за дедом из палаты.

А Гарандин развернулся к Дине и неожиданно спросил напрямик:

— Кто вам угрожает, Дина? Муж, бывший муж, любовник, бойфренд? Или какие-то криминальные дела?

Подошел, сел на освободившийся стул и, ожидая ответа, внимательно следил за выражением ее лица.

— Муж, бывший муж, любовник и бойфренд, — улыбаясь через накатывающую волнами слабость, повторила она за ним. — Все вышеперечисленные, только не мои. Впрочем, это все ерунда и мои заморочки, — быстренько соскочила с темы она и в свою очередь спросила: — А что там с той девочкой, из-за которой все случилось? С ее ребенком? Они в порядке?

Гарандин помолчал, внимательно ее рассматривая и позволяя ей уйти от ответов. Дина прямо вот видела и ощущала, что позволил.

Какой, однако, непростой мужчина-то, а?

— Они в порядке, испугались оба, разумеется, сильно, но не более, — ответил Гарандин легко и непринужденно, словно продолжил прерванный разговор. — К вам завтра придет следователь — подписывать протокол происшествия. И наверняка предложит написать заявление на эту мамашу.

— Да ну, — пренебрежительно отмахнулась Дина. — Что там хоть за девочка, вы пообщались?

— Пообщались, — легонько усмехнулся Гарандин, — типичная представительница сетевого погружения. Как там в «Камеди» было? «Живу впроголодь на десять лайков в сутки».

— Что, полный бесполезняк? — уточнила Дина.

— Да бог знает, — неопределенно крутанул головой Влад. — Испугалась она всерьез, и проняло ее крепко. Да и женщины на нее набросились, грозились тут же в опеку звонить, ставить вопрос о лишении материнских прав. Одним словом, проняло девочку качественно. Надолго ли хватит просветления в ее мозгах, это другой вопрос.

Не постучавшись, распахнула дверь и вошла медсестра, и уже с порога распорядилась эдаким особым профессиональным тоном, выработанным годами:

— Все, посещение окончено. Больной требуется покой и отдых. Попрошу вас покинуть палату.

— Сейчас покину, — спокойным тоном пообещал господин Гарандин, не двинув ни одним мускулом, и наклонился чуть ближе к Дине.

— Ну что, Диночка, поправляйтесь, исцеляйтесь.

— Буду, — серьезно пообещала та.

А он совершенно неожиданно поднялся со стула, наклонился и поцеловал ее в щеку, выпрямился, махнул

рукой на прощание и вышел из палаты мимо удивленно замершей медсестры.

— Кавалер? — спросила медсестра, наполовину высунувшись за порог палаты, провожая долгим, жадно-любопытным взглядом удалявшуюся по коридору спину Гарандина, пока тот не скрылся за поворотом.

— Он меня сбил, — отмахнулась от ее любопытства Дина.

Положив голову на подголовник водительского сиденья и прикрыв глаза, Влад прокручивал в памяти аварию и все те необъяснимые странности, следовавшие за ней.

Он выехал еще засветло, чтобы гарантированно попасть на важную встречу в Москве, договоренность о которой долго согласовывалась: нужный ему человек был плотно занят и часто выезжал в командировки, так что планировали они эту встречу заранее, за несколько недель, сверяя свои графики. Вот он и подстраховался. Как чувствовал, что может «зависнуть» в дороге непонятно по какой причине.

Впрочем, некое обостренное предвидение возможных грядущих неприятностей или сложностей было у Влада давно, с самого детства.

Но что, пожалуй, самое важное: он привык доверять этим своим чувствам, не подвергая их сомнению.

Но на этот раз Гарандин решил, что ошиблась его хваленая «чуйка», подвела — долетел он от Питера до Москвы споро и без проблем: трасса на удивление оказалась полупустой, и ни в одной пробке ему не пришлось постоять даже на МКАДе, въезжая в Москву.

Он уж расслабился и мысленно прикидывал, что успеет сделать за несколько часов перед встречей, с кем еще можно пересечься и побеседовать, если выпала неожиданная okazия, тут же насчитав не меньше трех возможных вариантов.

Вот тут задремавшая было в дороге «чуйка» и напомнила о себе, и заглодело в затылке, как обычно бывает, когда приходит неконтролируемая информация-предупреждение, и что-то екнуло в груди, и Гарандин сбросил скорость до сорока перед пешеходным переходом.

Правильнее сказать: начал сбрасывать скорость, притормаживая, но стрелка спидометра так и не успела опуститься до сорока километров, когда Влад увидел деловито шагающую прямо под его машину мамашу с коляской.

И мгновенно включился некий механизм измененного состояния, врубилась на всю катушку отработанные рефлексы, и, матерясь во все горло, Влад выкрутил руль, уводя машину от коляски с ребенком, отчетливо видя, понимая, что не успевает...

Внезапно какая-то стремительная фигура мелькнула впереди, и мамаша отлетела назад, а следом за ней и коляска, чуть не завалившись набок, а Влад, продолжая выкручивать руль и удерживать тяжелую машину от неконтролируемого заноса, увидел вдруг, буквально в трех метрах перед капотом, девушку.

И в этот момент с ним случилось что-то необъяснимое: он увидел близко-близко лицо девушки и ее глаза, смотревшие прямо на него — нереальные, фантастические какие-то глаза глубокого синего цвета с фиолетовым оттенком, с расширившимися от

страха зрачками от осознания неотвратимости летевшей на нее смерти ...

Он успел, в какие-то доли секунды сумел еще довернуть всего на несколько так необходимых сантиметров руль и удержал машину в заносе, а она успела отшатнуться, отклониться...

Хотя совершенно точно — вот стопудово! — он видел и знал: не было у них обоих уже никакого времени. Но кто-то сверху дал им дополнительные доли той самой жизненно важной, последней секунды, ничем иным прагматичный Гарандин объяснить это везение не мог.

Да он и не пытался объяснять.

Но он все-таки задел ее и видел, как девчущку крутануло от удара в бедро крылом машины и она исчезла из поля его зрения.

Машина встала как вкопанная, как норовистый скакун, остановленный сильной рукой волевого наездника. Гарандин положил руки на руль и уткнулся в них лбом, чувствуя, как шумит в ушах кровь и начинает мелко потряхивать все тело.

Ладно, ладно, — резко выдохнул он, встряхиваясь от нахлынувшей слабости, — еще ничего не кончилось. Надо посмотреть, как там девчущка.

Первое, что он понял, — жива! Его аж пробрало до слабости в ногах от этого понимания.

А потом она посмотрела на него, и его пробрало еще раз, но куда как серьезней, чем перед этим, от одного ее взгляда — так странно, у нее и на самом деле насыщенно-синие глаза с размытой фиолетовой каймой по краю и поразительно крупной радужкой.

Но не в этом дело, не в удивительном устройстве ее глаз, а в том, что Гарандину показалось, будто она улыбается ему глазами, и он вдруг почувствовал нечто совершенно необъяснимое... — не описать. Узнавание, что ли. Какую-то близость душевную, родство и особенную важность этого человека в его жизни.

Да боже мой, разозлился на себя Влад, не знает он, как это сформулировать и что вообще такое происходит.

Хрен с ним, ничего формулировать он не будет!

Девушка была стройной, но не худышкой, такой сбитенькой, спортивной, но без явных признаков серьезных силовых занятий. Не очень высокой, сейчас-то не определить.

Лежала она неудобно — скрученно: ноги ровно на асфальте, туловище чуть боком на правой руке, а ее русые густые волосы окрасились кровью в том месте, где голова соприкасалась с асфальтом.

Мгновенно оценив возможные варианты травм при таком ударе и этой ее позе, Гарандин в первом неосознанном порыве хотел было подхватить девочку и срочным порядком везти в больницу, но тут же остановил, остудил себя, подумав, что может навредить и сделать только хуже своей неосторожностью, и ее придержал, когда она попыталась встать. В шоке человек на что только не способен — и на поломанных ногах ходить, а у нее шок, это очевидно.

Все в нем рвалось к этой незнакомой девочке — поднять, прижать, защитить, помочь немедленно, но... — спасибо, «Скорая» приехала достаточно быстро, минут через семь, пожалуй, впрочем, как и гибэдэдэшники.